

ДРЕВНИЙ Восток

ГОРОДА И
ТОРГОВЛЯ

Ереван 1973

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ

СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ДРЕВНИЙ ВОСТОК
ГОРОДА И ТОРГОВЛЯ

(III—I ТЫС. ДО Н. Э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН

1973

2
319738

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ДРЕВНИЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ГОРОД

(Местные традиции и иноземные модели)

Страбон (XV, 3) и Юстин (X, I, 4) называют Бактрию страной тысячи городов, Чжан Кянь в конце II в. до н. э. говорит о Фергане—сравнительно небольшой долине на востоке Средней Азии, что там было свыше 70 обнесенных стенами городов и поселений¹. Густая сеть больших и малых городов и городских поселений покрывала просторы Средней Азии на всем протяжении ее истории от эпохи поздней бронзы до нового времени. Замечательная цивилизация древней и средневековой Средней Азии была урбанистической цивилизацией, и в этом отношении она входит в систему урбанистических цивилизаций, широкий пояс которых окаймлял южную и западную часть Евразии². К ним с севера и востока примыкал и им

¹ Н. Я. Блечин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, П, М.—Л., 1950, стр. 187; B. Watson, Records of the grand historian of China translated from the Shih chi of Ssu-ma Ch'ien, vol. II, New York and London, 1961, p. 266. Анализ этого сообщения с учетом археологических материалов—А. Н. Бернштам, Древняя Фергана, Ташкент, 1951, стр. 12—13; Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы, М.—Л., 1962 (МИА, № 118) стр. 181—186.

² Понятие «урбанизма», «урбанизации» в современной урбан-социологии определяется по-разному. В одном из документов экономической комиссии для Азии и Дальнего Востока ООН сказано: «В наиболее простом и демографическом смысле урбанизация может быть определена как процесс, при котором популяция имеет тенденцию объединяться в скопления, превосходящие запланированные размеры». Есть и более широкие определения, например, принадлежащее В. С. Томпсону (W. S. Thompson), который называет урбанизацию «движением населения из общин, связанных исключительно или преимущественно с сельским хозяйством, в другие общины, в

противостоял пояс цивилизаций степного, лесостепного и арктического типов³.

Это в наиболее общем, генеральном, приближении. При более детальном рассмотрении эти общности распадаются на мозаику археологических культур, связанных хронологиче-

целом значительно более крупные, деятельность которых концентрируется прежде всего в области управления, торговли, производства и тому подобного». Западными социологами предложено много других формулировок (см. *N. Anderson*, *The urban community: a world perspective*, New York, 1959, стр. 4—6; См. также старую работу: *M. Вебер*, *Город*, пер. с нем. Б. Н. Попова. Прг., 1923, стр. 7—27), но все они не учитывают классово-антогонистического содержания понятия „город“. Гораздо ближе к истине, нам представляется, широкая характеристика древнего урбанистического общества, данная в свое время Г. Чайлдом (*G. Childe*, *The urban revolution, Town Planning*, vol. 21, 1950, стр. 3—27; *Г. Чайлд*, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой. М., 1956, стр. 193—227). Вместе с тем, безусловно, следует принять замечания Р. Адамса о несколько эклектическом смещении в характеристике Г. Чайлда „первичных“, основополагающих, критериев и „вторичных“, второстепенных (*R. Mc. C. Adams*, *The evolution of urban society Early Mesopotamia and prehispanic Mexico*, Chicago, 1966, стр. 10—12; ценные замечания см. также *R. J. Braidwood and G. R. Willey*, *Conclusions and afterthoughts*. In: *Courses toward urban life. Archaeological considerations of some cultural alternates*. Ed. by R. J. Braidwood and G. R. Willey. Chicago, 1962 (Viking Fund Publications in anthropology, vol. 32, стр. 348—358). Подлинно научное определение понятия «город», как и процесса урбанизации возможно лишь с позиций исторического материализма. Для древневосточного города это сделано И. М. Дьяконовым, см. его «Проблемы города в Вавилонии II тыс. до н. э.»—Тезисы докладов всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.». Ереван, 1969, стр. 12—13. Появление городов повсеместно свидетельствует о развитии классового общества, выделении ремесла как особой отрасли общественного производства. Именно так обстояло дело и на Востоке. Поэтому являются несостоятельными распространенные в западной историографии попытки противопоставить восточный город европейскому на том основании, что восточные города были, дескать, лишь центрами религии, образования и администрации—см. напр., *N. Anderson and K. Ishwaran*, *Urban sociology*. London, 1965 (Department of social welfare, Karnatak University. *Essays in social sciences*, № 2), стр. 1.

³ По концепции некоторых современных буржуазных ученых, цивилизация развивалась исключительно в городах (см., например, *T. W. Walrond and A. M. Taylor*, *Civilization, Past and Present*, vol. 1. Chicago, 1950, стр. 11). Вся совокупность исторических и археологических фактов заставляет категорически отвергнуть эту концепцию.

скими и локальными переходами, этнических и государственных объединений с их сложной и также взаимосвязанной историей. «Стыки» этих двух типов цивилизаций составляют регионы, где потоки взаимного экономического, культурного, этнического и социального обмена были наиболее интенсивными. К числу таких регионов следует отнести, в частности, города Северного Причерноморья и Скифию, города Средней Азии (включая Восточный Туркестан) и скотоводческое население среднеазиатско-казахстанских степей и гор. Спецификой Средней Азии являлось вхождение этого населения в состав земледельческих оазисов, превращающее его из внешнего в органический внутренний компонент земледельческих оазисов. Второй особенностью истории древнего среднеазиатского города, обусловленной политической и экономической историей Средней и Центральной Азии, является очень значительная роль, которую в его эволюции играли модели и влияния, идущие с запада (из Ирана, греко-эллинистического мира) и с юга (из Индии).

Исследование истории древнего среднеазиатского города в настоящее время сталкивается со значительными трудностями. Данные письменных источников весьма скудны и односторонни, эпиграфический материал для основной части рассматриваемого времени почти отсутствует. Археологическая изученность сравнительно невелика: ни один сколько-либо крупный среднеазиатский город не раскопан в такой степени, как Мохенджо-Даро, Таксила или эллинистические города. Наряду с Хорезмом, где некоторые основные черты планировки выявляются без раскопок, в других областях древние города представляют аморфные оплывы холмов, причем многие важнейшие из них, в частности Бактры и Мараканда-Самарканд, перекрыты свитой последующих слоев.

Детальные градостроительно-планировочные схемы в силу этого остаются по преимуществу неизвестными, как и социальная структура древнего среднеазиатского города. Однако отдельные градостроительные элементы (фортификация, типы общественных сооружений и др.), архитектура и строительное дело, продукция ремесла выяснены достаточно детально. Это позволяет наметить хотя и неполную и одностороннюю, но все же основанную на реальных фактах картину, точнее, отдельные контуры картины истории древнего города Средней Азии. Что касается статуса среднеазиатских городов, их внутренней организации и социальной структуры, то здесь мы по-прежнему вынуждены в основном обращаться к априорным рассуждениям и экстраполяциям, а не к засвидетельствованным фактам. В такой ситуации к нашим представлениям о древнем среднеазиатском городе

вполне приложимы слова Р. Адамса: «Если при изучении ранних городов мы ограничены лишь археологическими материалами, то мы должны признать, что они являются источником увеличивающихся искажений, кумулятивный эффект которых на нашу способность реконструировать накапливающуюся последовательность изменений сложно оценить, но он явно большой»⁴.

В настоящей работе автор не ставит цель изложить материалы археологических раскопок городов в Средней Азии и на прилегающих территориях или хотя бы в самой общей форме характеризовать их результаты. Цель работы совсем иная: используя результаты археологических работ в качестве основного источника, привлекая также другие источники и сравнительные данные, попытаться выявить основные линии развития древнего среднеазиатского города и его особенности на различных этапах:

I. «Протогорода».

II. Древнейшие городские поселения (конец II—первая треть I тыс. до н. э.).

III. Формирование античного города Средней Азии (VI—IV вв. до н. э.).

IV. Градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза (IV—II вв. до н. э.).

V. Среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и наивысший подъем древнего среднеазиатского города (I в. до н. э.—III—IV вв. н. э.).

В данном направлении особое значение имеют работы С. П. Толстова, В. М. Массона и Г. А. Пугаченковой, однако ни в одной из публикаций наших предшественников эта проблема не ставилась в целом, рассматривались лишь отдельные ее аспекты⁵.

1. «Протогорода»

В области анауской цивилизации имеются три громадных поселения эпохи бронзы: Намазга-Тепе (площадь 70 га), Алтын-Тепе (46 га) и Яссы-Тепе. После проведения раскопок на Намазга-Тепе я в 1952 г. писал: «...уже к середине II тысячелетия до н. э. на юге Средней Азии уровень развития производительных сил общества был очень высок, что, в частности, нашло отражение в исключительно развитом

⁴ R. Mc C. Adams, *op. cit.*, стр. 30.

⁵ Книга: В. А. Лазров, Градостроительная культура Средней Азии (с древних времен до второй половины XIX века), М., 1950, в отношении древнего города (стр. 8—35) в значительной мере устарела.

строительном искусстве и ремеслах (гончарном, металлическом, в обработке камня и др.). Начался и проходил процесс отделения ремесла от земледелия. Однако характер общественной жизни той эпохи остается, в силу еще малой изученности, памятником типа Намазга-Тепе, недостаточно ясным» и вместе с тем отмечал, что памятники конца II—начала I тыс. до н. э. уже ясно отражают классовую структуру общества⁶. Некоторые исследователи (А. В. Арциховский, А. А. Марущенко, А. А. Росляков) пошли дальше и считали, что уже в эпоху Анау III, во всяком случае во II тыс. до н. э., в южной Туркмении существуют цивилизация и классовое общество. Резко критикуя эти точки зрения, В. М. Массон полагал, что крупные поселения той поры «нельзя назвать городами»⁷. Собственные раскопки, проведенные этим исследователем на Алтын-Тепе, заставили его отказаться от прежней точки зрения. Он пришел к заключению, что крупнейшие поселения эпохи Намазга V (XX—XVIII вв. до н. э.) «...выполняли одну из функций, свойственных городским поселениям» и предлагает говорить о развитии в это время «протогородской цивилизации». Действительно, высокое развитие производительных сил, наличие монументальных построек делает этот вывод весьма интересным. Отмечается хронологическая и в материальной культуре переключки с городами хараппской культуры⁸. Но в последующее время, в период Намазга VI (XVII—XI вв. до н. э.) поселения «протогородского типа» прекращают свое существование—и здесь явный параллелизм с долиной Инда. Нельзя не вспомнить в этой связи слова Бриджит и Раймонда Олчинов о том, что не только конец существования хараппских городов, но и «начальный стимул для их возникновения (они относят его к XXII в. до н. э.—Б. Л.) должен быть обязан народам, говорящим на индоевропейских языках»⁹.

При современной степени изученности южнотуркменских поселений эпохи Намазга V возможна лишь постановка вопроса о наличии «протогородских поселений», а

⁶ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. СЭ, 1952, № 4, стр. 52.

⁷ В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959 (МИА, № 73), стр. 122—124.

⁸ В. М. Массон, Протогородская цивилизация юга Средней Азии. СА, 1967, № 3; В. М. Массон, Открытие монументальной архитектуры эпохи бронзы в Южном Туркменистане, СА, 1968, № 2.

⁹ B. and R. Allchin, The birth of Indian civilization. India and Pakistan before 500 B. C. Penguin books, 1968, стр. 144 (эта идея высказывалась уже неоднократно, она не может быть принята).

также рассмотрение их в более широком аспекте «городской революции» (термин Г. Чайльда), но последнее выходит за рамки нашей работы.

2. Древнейшие городские поселения (конец II—первая треть I тыс. до н. э.)

В обстановке разложения первобытно-общинного строя на базе поселений эпохи бронзы на рубеже II—I тыс. до н. э. возникают первые городские поселения с выделенными цитаделями, иногда поднятыми на специальную искусственную платформу. Таковы Тангсыккыльджа, Изат-Кули, Мадау-Тепе, Яз-Тепе и др. в южной Туркмении, Кучук-Тепе—в Бактрии. Иногда они занимают большую площадь (Тангсыккыльджа $2 \times 0,6$ км). На Яз-Тепе пятиугольная цитадель была поднята на искусственную платформу, где имелась монументальная постройка. К концу периода Яз I (сер. VII в. до н. э.) на окраине поселения была возведена монументальная постройка или крепостная стена. На Кучук-Тепе (небольшом поселении диаметром ок. 50 м) во II половине II тыс. до н. э. на четырехметровом стилобате имелась внешняя круглая крепостная стена высотой 7,5 м¹⁰. Оборонительные сооружения открыты на других среднеазиатских памятниках, в частности ферганских¹¹.

Для этих древнейших городов характерны следующие черты: наличие цитадели, кварталы ремесленников (гончаров и металлстов), наличие ирригационной сети непосредственно у границ поселения и даже на его территории. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что это памятники классового общества. Процесс сложения древнейших городских поселений аналогично протекал в Грузии и

¹⁰ Б. А. Литвинский, Намазга-Тепе..., стр. 52; В. М. Массон, Памятники культуры арханического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1959; он же, Древнеземледельческая культура..., Л. И. Альбаум, Поселение Кучук-тепе в Узбекистане. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР. (Тезисы докладов). Баку, 1965; Л. И. Альбаум, К датировке верхнего слоя поселения Кучук-Тепе. В сб.: История материальной культуры Узбекистана, вып. 8, Ташкент, 1969.

¹¹ Вообще оборонительные сооружения в Средней Азии известны уже с энеолитического времени но, как справедливо заметил В. М. Массон, лишь в конце первобытного и начале классового общества вырабатывается настоящая фортификационная система городских укреплений. См. В. М. Массон, К эволюции оборонительных стен оседлых поселений, КСИА, в. 108, М., 1966, стр. 43—44.

Армении, где, как пишет А. П. Болтунова, «с развитием рабовладельческих отношений, ремесел и торгового обмена мелкие общинные поселения объединялись путем синойкизма, превращаясь в самоуправляющиеся городские общины с аграрной системой экономики и являясь в то же время центрами профессионального ремесла и торговли»¹².

Древнейшие городские поселения с цитаделями южных областей Средней Азии не стоят изолированно. Такие же процессы синхронно (или почти синхронно) протекали и на территории Ирана. Достаточно упомянуть Тюренг-Тепе, Сналк и Хассанлу. По данным радиоуглеродного анализа около 1000 г. до н. э. на Хассанлу была устроена высокая цитадель, защищавшаяся массивным (толщиной 3,2 м.) фортификационным валом. Внутри, по Дайсону, находились жилища знати, у подножья цитадели—внешний город, состоявший из частных домов (среди них—дома ремесленников) и некрополя¹³.

К этим поселениям можно в известной степени отнести слова Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»¹⁴.

Ничего конкретного не известно ни о внутреннем социальном статусе этих городов, ни об их взаимоотношении с сельскохозяйственной округой. Целесообразно, быть может, сопоставить в одном отношении среднеазиатские города с древней Месопотамией, где хозяйственно-политической единицей «...был «ном», т. е. группа населенных пунктов, тяготеющих к небольшому числу взаимосвязанных центров (от одного до трех), а также к одному магистральному кана-

¹² А. И. Болтунова, Античные города Грузии и Армении. В сб.: Античный город, М., 1963, стр. 155; М. П. Инадзе, Причерноморские города древней Колхиды, Тбилиси, 1968, стр. 97 сл.

¹³ R. H. Dyson, Digging in Iran; Hasanlu, 1958. "Expedition", vol. I n. 3. Philadelphia, 1959; *его же*, Hasanlu and early Iran. "Archaeology", vol. 13, N 2, 1950; *его же*, Hasanly discoveries, 1962; "Archaeology", vol. 15, N 2, 1963; *его же*, Ninth century men in Western Iran, "Archaeology", vol. 17, N 1, 1964; *его же*, Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu. JNES, vol. XXIV, 1965, N 3; T. C. Young, Thoughts on the architecture of Hasanlu IV, "Iranica antiqua", 7, 1967; R. N. Dyson, The archaeological evidence of the second millenium B. C. on the Persian plateau, Cambridge, 1968 (The Cambridge Ancient History, vol. II/XVI), стр. 29—32; R. H. Dyson, A decade in Iran. "Expedition", vol. II, N 2, 1969.

¹⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951, стр. 170.

ду, отходящему от главного русла р. Евфрат или р. Диалы (но не р. Тигра!), или же к строго ограниченному участку основного течения одной из этих рек»¹⁵.

3. Формирование античного города Средней Азии

(VI—IV вв. до н. э.)

Для этого времени имеются не только археологические материалы, но и данные письменных источников¹⁶. Сопоставление тех и других указывает на наличие нескольких типов городов. Типологически можно выделить две группы: цитадельные (основная часть) и бесцитадельные города. Применяя иной принцип классификации, можно указать на крупнейшие города, обычно—центры культурно-исторических областей или сатрапий, и крупные и мелкие города—центры небольших областей и районов.

Бактры, как выяснила французская археологическая экспедиция, не только занимали территорию Бала-Хисара (120 га) с его мощнейшими укреплениями, но и часть нижнего города, к юго-западу от Бала-Хисара¹⁷. Прочность укреплений Бактр отражена в персидской легенде о походе Нина и Семирамиды, известной в передаче Ктесия.

Ядро Мерва — столицы Маргианы, первоначально было втиснуто в кольцо стен Эрк-Калы (12 га) — мощного укрепления на 15-метровой искусственной платформе. Стена, окружавшая Эрк-Калу — кирпичная, на пахсовом основании,

¹⁵ И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 13.

¹⁶ Попытка их осмысления — см. В. М. Массон, Древнеземледельческая культура..., стр. 151—153. Критические замечания И. М. Дьяконова — ВДИ, 1960, № 3, стр. 202—203 — сопоставление др.-перс. термина *didā* с греч. *δόρυ* „деревня“ — неправомерно, ибо др.-перс. термин означает *Festung, Burg, Burgmauer* (W. Brandenstein und M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen*, Wiesbaden, 1964, стр. 116). Детальный анализ письменных источников о среднеазиатских городах ахеменидского времени содержится в специальной работе И. В. Пьянкова (в печати). См. И. В. Пьянков, Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Города и торговля Древнего Востока III—I тыс. до н. э.», Ереван, 1969, стр. 27—29.

¹⁷ J. C. Gardin, *Céramiques de Bactres*. Paris, 1957 (MDAFA, XV); M. Le Berre ed D. Schumberger, *Observations sur les remparts de Bactres*, MDAFA, XIX, Paris, 1964, См. также R. S. Young, *The South Wall of Bakh-Bactra*, AJA, vol. 59, 1955, N 4.

была возведена в конце V—IV вв. до н. э. Но город в это время уже не ограничивается этой, сравнительно небольшой площадью, а захватывает значительную часть Гяур-Калы, площадь, которой в три десятка раз больше¹⁸.

Мараканда, собственно Смараканда античных авторов¹⁹, состояла, судя по их описаниям, из собственно города и цитадели. Археологические раскопки показали, что древнейшее поселение располагалось на Афраснабе, причем остатки его выявлены пока в северо-западном и южном участках этого городища, и если предположить, что была обжита вся западная часть городища, то площадь этого поселения будет порядка 50—70 га, если же считать, что был заселен весь Афроснаб — порядка 200 га. Не исключено, что цитадель помещалась на месте позднейшей. Помимо цитадели, судя по некоторым археологическим наблюдениям, укреплен был и сам город²⁰.

Были и другие крупные города с цитаделями, в частности Кирэсхата-Куру (ш) када²¹. Известны и небольшие города, вроде бактрийского города на Қалаи-Мире²² и другие.

¹⁸ З. И. Усманова, Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ, 1955—1959 гг.), Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, она же, Эрк-Кала—городище старого Мерва поры античности и раннего средневековья (К истории развития древних городов Средней Азии), автореферат, Ташкент, 1969.

¹⁹ По-видимому, Мараканда—греч. передача местного, согдийского, топонима *Смараканда,—на это впервые указал Й. Маркварт—*J. Markwart*, Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. Ungarische Jahrbücher, Bd. IX, Hft. I, Berlin—Leipzig, 1929, S. 94, Anm. I, вслед за ним В. Хеннинг и др.—см. Б. А. Литвинский, История таджикского народа, т. I, под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, стр. 527.

²⁰ А. П. Тереножкин, Согд. и Чач.—КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 155—156; В. А. Шишкин, Қал'а и Афраснаб, Работы Института истории и археологии АН УзССР по изучению домонгольского Самарканда (1945—1966 гг.), «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 148—149; Г. В. Шишкина, О местонахождении Мараканды, СА, 1969, № 1; она же, Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афраснаба, автореферат, Ташкент, 1969; М. И. Филанович, К характеристике древнейшего поселения на Афраснабе, «Афраснаб», вып. I, Ташкент, 1969, стр. 206 сл. Есть данные, что на юге первоначальное поселение выходило за пределы Афраснаба. См. Я. Г. Гулямов, Стратиграфия Самарканда в свете новейших раскопок. Объединенная научная сессия, посвященная 2500-летию Самарканда. Тезисы докладов. Изд-во ФАН УзССР, 1969 (АН УзССР. Самаркандский университет), стр. 7.

²¹ E. Benveniste, La ville de Cyreschata, JA, t. CCXXXIV, 1943—1945.

²² М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, М., 1954.

Примеры иной городской структуры дают хорезмийские памятники Кюзели-Гыр и Калалы-Гыр. Первый—треугольник с длинной стороной около 1 км, окруженный мощными фортификационными сооружениями, состоящими из снабженной башнями стены и внутрисканного коридора. По периферии города, вдоль стены—один-два ряда жилых и ремесленных помещений (в том числе железодельная мастерская). В центре города—остатки центрального, очень крупного здания, с главным залом площадью 285 кв. м.

Второй из названных памятников—Калалы-Гыр имеет вид правильного прямоугольника (100×700 м). Четкой и выработанной является фортификационная система—с воротами, предвратными лабиринтами, башнями. У западной стены—дворцовое здание, помещения которого комплектовались вокруг двух внутренних дворов. Колонно-стоечная конструкция с уступчатыми базами-постаментами поддерживала кровлю²³.

Города подобного типа, как впервые указал С. П. Толстов²⁴, могли послужить прообразом для описываемой в Авесте, в Видевдате (II, 33 и след.) в а́ры: «И сделал Йима так, как велел ему Ахура Мазда; месил он глину ногами; разделял на куски руками... И сделал Йима вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам. Снес он туда семя мелкого скота, крупного скота, людей, собак, птиц, огня красных пылающих. И сделал Йима ту вару длиной в лошадиный бег по всем четырем сторонам, загоном для скота. Туда он провел воду по пути длиною в хоатр; построил он там дом, свод, двор — место, закрытое со всех сторон»²⁵.

О населении этих городов—кроме самых общих данных, источники ничего не сообщают. Исключением является упоминаемый Квинтом Курцием (VII, 6, 16—23) в рассказе о захвате Александром Македонским уструшанских городов город, населенный сильным родом Мемакенов²⁶.

²³ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 77 сл.; он же, По древним руслуам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 96—117.

²⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 80—82.

²⁵ В. А. Лившиц, История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 145.

²⁶ Б. А. Литвинский, Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, в кн.: История таджикского народа, т. I, М., 1963, стр. 254—255. Наименование «Мемакены» напоминает, по мнению И. Маркварта, название рустака Уструшаны, который у средневековых географов называется *مینک* или *مینک*. Общепринятая огласовка—Минк, но, как указал И. Маркварт и что осталось незамеченным даже в специальных трудах по истории Уструшаны (см., например. Н. Негматов, Уструшана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957, стр. 44) возможна

Анализ источников привел меня к заключению, что к «городу Мемакенов» отнесены события, фактически имевшие место при осаде Кирополя. Не исключено, хотя и менее вероятно, что вообще род Мемакенов жил в Кирополе и возглавлял восстание. Во всех случаях это указывает на наличие сильных родовых традиций в городской жизни (хотя, возможно, речь шла о соседской общине).

Некоторые из среднеазиатских городов располагались не внутри земледельческих оазисов, а в степи или в горах, среди кочевий сакских племен. По-видимому, часть из них была в значительной степени сакской по населению. Об этом есть прямые свидетельства античных авторов²⁷.

Следует добавить, что в хотано-сакский язык вошло слово *vāra*, которое имеет, в частности, значения «ограда», «двор» и «крепость», иногда «крупный двор». На базе этого слова возникло и другое хотано-сакское обозначение «ограды» — *bārmana* (обозначающее также «пруд», «резервуар»)²⁸.

Археологический аспект проблемы сакских городов Средней Азии вызывает значительные трудности²⁹.

Особо следует отметить, что в Средней Азии были греческие города: так, в Бактрии было поселение баркиан — оно возникло при Дарии и существовало во времена Геродота (Геродот, IV, 204), город бранхидов, возникший при Ксерксе (Страбон, XI, 4; XIV, 1, 5; Квинт Курций, VII, 6, 28—35; также Плутарх)³⁰; Ниса в северо-западной

и другая огласовка — Menak (*J. Markwart, Die Sogdiana des Ptolemaios, "Orientalia", vol. 15, 1916, стр. 287—288*).

²⁷ (A.) Herrmann, Sakai, RE, Zweite Reihe, Bd. 1/2. Stuttgart, 1920, Sp. 1795; И. В. Пьянков, История Персии Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. ВДИ, 1965, № 2, стр. 46—47.

²⁸ W. Bailey, Analecta Indosythica, II. Journal of the Royal Asiatic Society, 1954, April, стр. 26—28.

²⁹ Б. А. Литвинский, Саки, которые за Согдом. Тр. АН Тадж. ССР, т. СХХ, 1960, стр. 94; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962, стр. 298—299.

³⁰ Подробнее об этом городе — S. Beal, The Branchidae, "The Indian antiquary", Bombay, vol. IX, 1880. Большинство историков, признавая достоверность сведений об этом городе, предлагало локализации его (F. Schwarz, Alexanders des Grossen Feldzüge in Turkestan, Zweite Auflage, Stuttgart, 1906, стр. 37), высказывало свои соображения относительно влияния населения этого города на язык, культуру и др. Средней Азии (S. Beal, op., стр. 70; V. B. Head, The earliest graeco-bactrian and graeco-indian coins, Numismatic Chronicle, fourth ser., vol. VI, 1906, стр. 4; К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 4). В. Тарн показал, что не все в рассказах источников об истреблении бранхидов достаточно хорошо согласовано и даже пришел к заклю-

Индии³¹. Едва ли эти зафиксированные в письменных источниках случаи исчерпывали общее число греческих поселений в ахеменидской Средней Азии³². Следует думать, что какое-то греческое население было и в местных городах, в частности бактрийских. Намек на это можно видеть в рассказе Геродота (Геродот, VI, 9) об угрозах ахеменидских военачальников выслать в Бактры дочерей ионийцев — жителей малоазийских городов в Бактры (если ионийцы не будут достаточно активно помогать персам).

Нумизматический материал, в частности распространение в восточных сатрапиях ахеменидского государства греческих монет, местная (бактрийская или гандхарская) эмиссия монет, подражающих греческим³³, ясно свидетельствует об эллино-индийской и, по-видимому, эллино-среднеазиатской торговле.

В числе переселенцев должны были быть и ремесленники и строители³⁴. Только небольшой объем археологически ченно, что все это было придумано Каллисфеном, а на самом деле, как писал Тарн, „Александр не встречался ни с какими бранхидами“. Выводы В. Тарна (W. W. Tarn, *The massacre of the Branchidae*, *Classical Review*, XXXVI, 1922; *Alexander conquest of the Far East*, *Cambridge Ancient History*, vol. VI, 1933, стр. 392; *Alexander the Great*, vol. II, Cambridge, 1950, стр. 222—257) полного признания не получили (Б. А. Ливинский, *История таджикского народа*, т. I, М., 1963, стр. 244), я вслед за А. К. Нарайном (A. K. Narain, *The Indo-Greeks* Oxford, 1962, стр. 2—3) полагаю, что гораздо больше оснований верить в существование этого поселения, чем отрицать его.

³¹ А. К. Narain, *op. cit.*, стр. 2.

³² А. К. Narain, *op. cit.*, стр. 6; J. Wolski, *Die Iranien und die Graekobakirische Königreich*. In: *Der Hellenismus in Mittelasien*. Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 256.

³³ D. Schlumberger, *L'argent Grec dans l'empire achéménide*.—MDAFA, t. XIV, Paris, 1953; B. M. Массон, *Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи*, Accademia Nazionale dei Lincei. Anno CCCLXIII, Quaderno N 76, Roma, 1966, стр. 337.

³⁴ Как это было и в ахеменидском Иране—судя, в частности, по строительной надписи в Сузах (DSf, 42—43) и эламским табличкам из Персеполя, греческим надписям в персепольских каменоломнях, греческие скульпторы, художники и ремесленники были активными участниками создания ахеменидских архитектурных комплексов. Плиний (XXXIV, 68) сообщает о скульпторе-греке, работавшем для Дария и Ксеркса. На фрагменте скульптуры Дария из точары в Персеполе—два выгравированных изображения голов, выполненные в греческом стиле, почти идентичные изображениям на греческой вазописи конца VI в. По мнению многих искусствоведов, ахеменидская скульптура и рельефы многим обязаны греческому искусству (G. M. A. Richter, *Greeks in Persia*, *American journal of archaeology*, vol. L. № 1, 1946, стр. 15—30. См. также H. Frankfort, *Achaemenian sculpture*, там же, стр. 6—14).

вскрытых слоев этого времени является, на наш взгляд, причиной того, что реальные последствия этих контактов до сих пор не выявлены.

Как сообщает строительная надпись в Сузах (DSf, 35=40)³⁵, из областей Средней Азии при возведении этого дворца доставлялись золото и отделочный камень. В строительстве участвовали среднеазиатские жители. Выходцы из Средней Азии приносили с собой навыки и опыт среднеазиатского строительства; назад они возвращались обогащенными знакомством с ахеменидской архитектурой и градостроительством. «Продвижению» последних в Среднюю Азию способствовали и представители ахеменидской администрации — выходцы из Фарса; возможно, дворец Калалы-гыра принадлежал ахеменидскому сатрапу.

Сообщения античных авторов о Кирополе—Куру(ш)кате, как о городе, отстроенном Киром Великим обязаны, вероятно, совпадению (или близости) местного наименования поселения, существовавшего действительно в ахеменидское время на месте Муг-тепе в современном Ура-Тюбе, с именем этого древнеперсидского царя (Куру)³⁶. Тем не менее, в этих сообщениях можно видеть отражение тех градостроительных мероприятий, которые проводили в Средней Азии Ахемениды.

Таким образом, для рассматриваемого периода мы можем предположить взаимодействие в области градостроительства с Ираном³⁷ и с другой стороны, — с эллинским миром. Отдельные элементы, впрочем, указывают, что в Средней Азии не наблюдалось простого копирования, наоборот: так, например, в ахеменидском Хорезме каменные основания колонн были трехступенчатыми, тогда как в ахеменидском Иране — двухступенчатыми³⁸.

³⁵ R. G. Kent, *Old Persian, Grammar. Texts. Lexicon*, New Haven Conn., 1953, стр. 144.

³⁶ Б. А. Литвинский, *История таджикского народа*, т. I, стр. 528—529.

³⁷ Общие линии взаимоотношений Средней Азии и ахеменидского Ирана, см. Б. Г. Гафуров, *О связях Средней Азии и Ирана в ахеменидский период (VI—IY вв. до н. э.)* Accademia Nazionale del Lincei, 1966, Quaderno N 76, Roma, 1966, стр. 191—197.

³⁸ Этот вопрос детально рассмотрен в публикации Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, *Раскопки дворцового здания на городище Калалы-Гыр I в 1958*, МХЭ, 6, М., 1963, стр. 146—147. Действительно, уже в Дан Духтар, в доахеменидской каменной гробнице, имеются протоионические колонны с тором на двухчастном плите (E. Herzfeld, *Iran in the Ancient East*, London—New York, 1941, стр. 206, fig. 317, pl. XXXVII). По Э. Херцфельду, «это тип — иранский, засвидетельствованный в доахеменидское время и являющийся каноническим для Пасаргад и Персеполя». Он

4. Градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза

(IV — II вв. до н. э.)

В античных источниках немало сообщений о среднеазиатских городах, которые были очагами сопротивления Александру Македонскому. Некоторые из них были разрушены, другие совершенно опустошены. Вместе с тем, Александр основывал новые города. По Плутарху, Александр основал свыше 70 городов. Однако эта цифра сильно преувеличена. Можно считать установленным, что Александр основал немногим более десятка (по подсчету Тарна — 13 городов), к тому же некоторые из них были основаны на месте старых поселений. Однако следует учитывать, что подавляющая часть этого количества была основана на восток от Тигра³⁹.

Что касается Средней Азии, то, по сообщению Страбона, Александр основал в Бактрии и Согдиане восемь городов (Страбон, XI, 11, 4), по Юстину — двенадцать (XII, 5, 13). Анализируя это разногласие, А. Гутшмид высказал предположение, что вместо восьми городов Страбона у Юстина первоначально фигурировали семь городов плюс Александрия на Танаисе, затем механическая ошибка одного из переписчиков превратила семь (VII) в двенадцать (XII)⁴⁰. Некоторые ученые категорически отвергли это предположение (например,

зафиксирован и в послеахеменидской архитектуре (*E. Herzfeld*, *op. cit.*, стр. 284—285, fig. 383). Единственное исключение — в Фратадара (в 1 км к северу от Персеполя), относящемся к постахеменидскому времени: здесь масса архитектурных деталей, притащенных из Персеполя, но вместе с тем — трехступенчатые плиты, там не встречающиеся (*E. F. Schmidt*, *Persepolis I. Structures, Reliefs. Inscriptions*, Chicago—Illinois, 1953, стр. 56, fig. 17 d). Следовательно, в Хорезме, в Калалы-Гыре, трехступенчатые плиты появились намного раньше, чем в Фарсе. Напротив, калалыгырские капители с орлиноголовыми капителями, как их реконструируют Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло (ук. соч., стр. 143—149, рис. 4—5), были стилистически близки персепольским.

³⁹ *W. W. Tarn*, *Alexander the Great*, vol. II, Cambridge, 1951, стр. 248. Также *И. Г. Дройзен*, *История эллинизма*, III, пер. с франц. М. Шелгунова, ч. III, М., 1893, стр. 334. Ср. *V. Tscherikower*, *Die hellenistischen Städtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit*, Leipzig, 1927 (*Philologus*, Supplementband XIX, Hft. 1), стр. 145—148.

⁴⁰ *A. Gutschmid*, *Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsakiden*, Tübingen, 1888 стр. 5, Anm. 3.

Э. Мейер, назвавший эту поправку текста произвольной)⁴¹, другие (например, В. Тарн)⁴² колебались. Однако серьезных возражений выдвинуто не было, потому можно признать заманчивое предположение А. Гутшмида имеющим право на существование.

Источники сообщают названия Александрии на Оксе, Александрии Эсхаты на Яксарте и Александрии в Маргиане (а для соседнего Афганистана—Александрии в Арее, Александрии на Кавказе, Александрии в Арахозии и т. д.)⁴³. Тот факт, что многие из этих городов были основаны на месте старых, уже существовавших ранее городов, В. Чериковер связывает с тем, что все это происходило в густо населенных областях и с тем, что цели политики Александра состояли не в том, чтобы «отделить» жителей Востока, а наоборот, как можно теснее соединить их⁴⁴.

Разумеется, реальные мотивы Александра Македонского были гораздо сложнее и противоречивее, чем это представляется вышеуказанному автору, но и то, что пишет в этом плане В. Чериковер, имело место.

Колонизационная политика усиливается при Селевкидах⁴⁵, особенно в эпоху Антиоха I. В Средней Азии основываются (или возобновляются) города, носящие название Антиохии Маргианской, Антиохии Тармата, Антиохии в Скифии⁴⁶.

Строительная деятельность Антиоха I в Средней Азии засвидетельствована для Антиохии Маргианской-Мерва. Он окружил Мервский оазис большой районной стеной (ок. 250 км.). Старое поселение Мерва—Эрк-Кала превращается в цитадель, к югу от нее обводится стеной огромный город

⁴¹ E. Meyer, *Blüte und Niedergang des Hellenismus in Asien*. In: *Der Hellenismus in Mittelasien* Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 27, Anm. 13. См. также E. R. Bevan, *The House of Seleucus*, vol. I, London, 1902, стр. 276.

⁴² W. W. Tarn, *Alexander, II*, стр. 248.

⁴³ Перечень источников об этих городах см. V. Tscherikower, *op. cit.*, стр. 102—106. См. также Б. А. Литвинский, *Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков*, в кн.: *История таджикского народа*, ч. I, М., 1963.

⁴⁴ V. Tscherikower, *op. cit.*, стр. 153.

⁴⁵ Источники сообщают о 75 (или 59) городах, основанных селевкидами, но нельзя быть уверенными, что все эти города действительно были основаны ими, см. V. Tscherikower, *op. cit.*, стр. 165—166.

⁴⁶ О вероятном тождестве «Александрии Эсхаты» и «Александрии в Скифии» см. Б. А. Литвинский, *История таджикского народа*, т. I, М., 1963, стр. 279, 282.

площадью около 4 км²—Гяур-Кала⁴⁷. Подъем городской жизни прослеживается и в других городах, в частности в Самарканде, где возводится новая оборонительная стена, постройку которой Г. В. Шишкина предположительно приписывает также Антиоху I⁴⁸ (что, по-видимому, действительно нельзя считать исключенным).

По мнению многих современных исследователей, греческое население в восточных сатрапиях очевидно увеличивалось во время селевкидского правления. Греческая иммиграция намеренно стимулировалась Антиохом I в связи с необходимостью противостоять угрозе вторжения кочевников⁴⁹.

В этих городах должно было быть значительное греческое население. Так, судя по имеющемуся в источнике эпитету⁵⁰, относящемуся к Антиохии Маргианской (такие определения указывают на этнический состав жителей), среди ее греческого населения должны были играть большую роль греки из Сирии⁵¹. По-видимому, в Средней Азии основывались также греческие военные поселения—катойки⁵².

В этой связи следует указать, что для юго-восточного Афганистана (провинция Кандагар) факт наличия греческого населения засвидетельствован найденными там эпиграфи-

⁴⁷ С. А. Вязигин, Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949; З. И. Усманова, Эрк-Кала—городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья. (К истории развития древних городов Средней Азии), автореферат. Ташкент, 1969, стр. 16.

⁴⁸ Г. В. Шишкина, Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афраснаба, «Афраснаб», в. I. Ташкент, 1969, стр. 246.

⁴⁹ V. Tscherikower, op. cit., стр. 166, 175; M. Rostovtzeff, The social and economic history of the hellenistic world, vol. I. Oxford, 1941, стр. 480; W. W. Tarn. Tarmita. „Journal of hellenic studies“, vol. LX, 1941, стр. 89—94; A. M. Simonetta, A new essay of the Indo-Greeks, The Sakas and the Pahlavas, EW, N. S., vol. 9, 1958, N 3, стр. 155; J. Wolski, Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft in Iran im 3. Jahrhundert v. Chr. In: Der Hellenismus in Mittelasien, hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 195—210, 236. Cp. A. H. M. Jones, The Greek city from Alexander to Justinian, Oxford, 1940, стр. 22—26.

⁵⁰ Плиний, VI, 47.

⁵¹ W. W. Tarn, The Greeks in Bactria and India. II ed., Cambridge, 1951, стр. 15; Б. А. Литвинский, Средняя Азия в составе селевкидского государства, в кн.: История таджикского народа, ч. I, М., 1963, стр. 279, 282, 288.

⁵² M. Rostovtzeff, op. cit., p. 547; Б. А. Литвинский Средняя Азия в составе., стр. 288.

ческими материалами⁵³ греко-арамейской наскальной билингой⁵⁴ и греческой надписью на блоке камня, происходящем из какого-то сооружения⁵⁵. В этих надписях индийский царь Ашока обращается к своим подданным, живущим в этой области, причем обращается к грекам (уона). В связи с этим, кажется вероятным, что именно они подразумевались в V и XIII эдиктах Ашоки, причем составной термин *Vonakambojeṣu* из XIII эдикта относится к греческому (Яваны) и ираноизвечному (Камбоджи) населению области Кандагара.

С другой стороны, археологические раскопки на территории Средней Азии пока не дали комплексов, которые могли быть уверенно связаны с поселениями-греками эпохи Александра или первых селевкидов. Это обстоятельство в значительной мере объясняет распространение в среднеазиатской историографии тенденции отрицать (полностью или в значительной мере) значение сообщений античных источников. В полемике с зарубежными авторами, в частности с Тарном, утверждавшим, что до македонского завоевания в Средней Азии не было городов (за исключением ахеменидских крепостей), С. П. Толстов в 1940 г. выступил с положением: «Не только укрепленные поселения оказываются входящими к глубокой доахеменидской древности, но и известные нам более поздние, относящиеся к эллинистическому времени, укрепления не несут никаких следов греческого влияния ни в смысле фортификации, ни со стороны внутренней планировки, что было бы неизбежно, если бы этот тип поселений слагался под непосредственным греческим влиянием»⁵⁶.

⁵³ Об этих находках и их историческом контексте: K. Fischer, *Zur Lage von Kandahar an Landverbindungen zwischen Iran und Indien*, *Bonner Jahrbücher*, Bd. 167, Bonn, 1967, стр. 132 ff (с детальнейшей библиографией).

⁵⁴ Un editto bilingue greco-aramaico di Aśoka. Roma, 1958 (Serie Orientale Roma, XXI); D. Schlumberger, L. Robert, A. Dupont-Sommer, E. Benveniste, Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka. JA 246, 1958; A bilingual Graeco-Aramaic edict by Aśoka. The first Greek Inscription discovered in Afghanistan, Text, transl. and notes by G. P. Carratelli and G. Garbini. Foreword by G. Tucci. Introd. by U. Scerrato, Roma, 1964 (Serie Orientale Roma, XXIX).

⁵⁵ D. Schlumberger, Une nouvelle inscription grecque d'Aśoka, CRAI, 1964, стр. 126—134 (несколько переработанный вариант—Eine neue griechische Aśoka-Inschrift. In: Der Hellenismus in Mittelasten. Hrsgb. von F. Altheim und J. Rehork, Darmstadt, 1969, стр. 406—417); E. Benveniste, E dits d'Aśoka et traduction grecque, JA, 1964, стр. 137—157.

⁵⁶ С. П. Толстов, Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 199. См его же, Древний Хорезм, стр. 91.

Этот тезис до сих пор является исходным во всех историко-археологических реконструкциях древней истории Средней Азии, и первая его часть (о доахеменидской древности), как показывает вышеизложенное, полностью сохранила свое значение. Что же касается второй части, которую раньше я разделял, то сейчас, как мне представляется, пора отказаться от его излишней категоричности.

А. Я. Манандян в свое время писал: «...к концу III века до нашей эры эллинизм и эллинская культура успели глубоко проникнуть далеко на север в центральные районы исторической Армении»⁵⁷. Именно так было не только в Армении, но и во многих других странах Востока. Почему Средняя Азия должна являться исключением?

Представляется, что пребывание в Средней Азии греческого населения, среднеазиатско-эллинистические, политические, торговые и культурные связи и контакты привели к проникновению в среднеазиатскую среду элементов греческой и эллинистической культуры, в частности греческой письменности, эллинистического театра, изобразительного искусства, ряда божеств греческого пантеона и много другого. Об этом мне приходилось писать еще в 1963 г.⁵⁸

Несколько лет тому назад, в 1966 г. В. М. Массон, изучая эту проблему, писал, что «...в Бактрии для рассматриваемого периода большая роль греческого влияния постулируется во многом теоретически...»⁵⁹. В то время когда были опубликованы эти строки В. М. Массона, заступы афганских дехкан вздрагивали, ударяясь по коринфским колоннам на раскопах Ай-Ханум—города, основанного греками в самом сердце Бактрии, но первые публикации французских археологов, производивших эти раскопки, тогда только лишь появлялись.

Городище Ай-Ханум (тюркское — «Лунная госпожа») впервые было описано в 30-е гг. XIX в. Д. Вудом⁶⁰, но археологи не обращали на него внимания. В 1961 г. королю

⁵⁷ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. эры—XV в. н. эры). Изд. II. Ереван, 1954, стр. 39—40.

⁵⁸ Б. А. Литвинский, Средняя Азия в составе селевкидского государства, стр. 289. См. также В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 339 сл.

⁵⁹ В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 340.

⁶⁰ J. Wood, A personal narrative of a journey to the source of the river Oxus, by the route of the Indus, Kabul, and Badakhshan in the years 1836, 1837, and 1838, London 1841, стр. 394—395.

Афганистана Мухаммед Захир-шаху, во время его посещения современного поселения Ай-Ханум, местными жителями были показаны архитектурные каменные детали. Об их наличии, а также о находящемся рядом с поселением высоком холме он сообщил во французскую археологическую миссию. Научной проницательности возглавлявшего тогда миссию Д. Шлюмберже наука обязана развертыванием на территории Ай-Ханум первых разведывательных работ, которые сразу привели к открытию остатков эллинистических сооружений и определению города как греко-бактрийского (1964 год)⁶¹. В дальнейшем раскопки города проводятся под руководством П. Бернара, сменившего Д. Шлюмберже на посту руководителя французской археологической миссии. В двух сезонах раскопок принимали участие советские археологи: Г. А. Кошеленко и Р. Н. Мунчаев (1965 г.)⁶² и И. Т. Кругликова и Б. А. Литвинский (1968).

Городище Ай-Ханум расположено на правом берегу Пянджа—Аму-Дарьи, в том месте, где в нее впадает Кокча-Дарья. Треугольный мыс ($1,8 \times 1,6$ км) занят двухчастным городищем. Высокая юго-восточная часть (Бала-Хисар)—вершина треугольника,—находится на естественной возвышенности (останец верхней террасы Пянджа) высотой до 60 м, на ней имеются две стены, «отсекающие» участки, а самый южный угол занят цитаделью. Небольшие разведывательные раскопки французских археологов на Бала-Хисаре показали наличие остатков эллинистических построек, на цитадели есть в подьеме и средневековая керамика. Раскоп, заложенный И. Т. Кругликовой и мной близ середины восточного фаса цитадели, показал, что здесь имеются следы обитания, относящиеся к рубежу бронзового и раннежелезного века (IX—VIII вв. до н. э.), причем здесь сочетаются традиции «степных» культур и культур типа вахшской. Не исключено, что какую-то часть Бала-Хисара занимал акрополь.

Основная часть города в виде неправильного прямоугольника вытянута вдоль Пянджа. Лишь одна сторона ее—северо-восточная—могла служить для вторжения врагов, ибо здесь не было ни реки, ни обрывов Бала-Хисара. С этой стороны город был защищен мощной стеной с квадратными башнями, здесь же располагались ворота. Начиная от них и прижимаясь к Бала-Хисару, тянулась прямая линия главной городской магистрали.

⁶¹ D. Schlumberger, Aï Khanoum, une ville hellénistique en Afghanistan, CRAI, Janvier-Juin, стр. 36—46.

⁶² Г. А. Кошеленко и Р. Н. Мунчаев, Археологическая экспедиция в Афганистане, «Вестник АН СССР», 1966, № 6, стр. 64—68.

Город не имел сплошной застройки, особенно в северо-восточной половине. Здесь располагался гимнасий. В центре города и далее к юго-западу находились героон, комплекс, включающий пропилеи, перистильную площадь и дворец. Огромная перистильная площадь (136×106 м), быть может, являлась агорой. В середине северной стороны ее имелся вход—пропилеи, с юга—гипостильный зал с 18 коринфскими колоннами, расположенными в 3 ряда по шесть колонн. Глубже развертывается сложная (и окончательно еще не вскрытая) архитектурная композиция, состоящая из трех больших залов, объединенных обходными коридорами. Интерьеры украшены живописью, лепниной, скульптурой.

Помимо этих общественных зданий, крупные общественные сооружения располагались непосредственно у дороги, к северо-востоку от дворца. Здесь, в частности, находился посаженный на высокий «стилобат» храм.

На юго-восточной границе городища, у р. Кокча, раскапывается жилой массив⁶³.

В планировке общественных сооружений четко проявляются, хотя и не всегда в «чистом» виде, эллинистические схемы (порой с явственным бактрийским и иранским влиянием); стеновые материалы—местные (жженный и сырцовый кирпич); базы колонн—редко ступенчатые⁶⁴, (т. е. восточные), обычно же аттического профиля, сами колонны коринфского ордера, с великолепными капителями. Вместе с тем, зарегистрированы элементы ионического ордера. Кровельные материалы эллинистические. Здания были украшены алебастровой и мраморной эллинистической скульптурой; много вещей чисто эллинистического облика, в частности мебель из слоновой кости, резные камни и т. д. Вместе с тем фортификация восточноиранская.

По нумизматическим и эпиграфическим находкам основание города датируется первой половиной III в. до н. э. Исключительно важны эпиграфические материалы. В одной

⁶³ Об этих раскопках помимо вышеуказанной статьи Д. Шлюмберже, см. также *D. Schlumberger et P. Bernard, Aï Khanoum. Bulletin de Correspondance Hellénique*, 89, 1965, стр. 590—657; *P. Bernard, Première campagne de fouilles d'Aï Khanoum, CRAI*, 1966, Janvier-Mars, стр. 127—133; *P. Bernard Deuxième campagne de fouilles d'Aï Khanoum en Bactriane, CRAI*, 1967, Avril-Juin, стр. 306—324; *P. Bernard, Aï Khanoum on the Oxus: a hellenistic city in Central Asia, London, 1967, Proceedings of the British Academy*, vol. LIII, стр. 71—95; *P. Bernard, Troisième campagne de fouilles a Aï Khanoum en Bactriane, CRAI*, Avril-Juin, 1968, стр. 263—279.

⁶⁴ Они двухступенчатые, похожие на персепольские. Но не исключено, что это было обычным для Бактрии, как для Хорезма — трехступенчатые.

из греческих надписей, найденной в героине, сообщается о некоем Клеархе, который воспроизвел в теменосе Киней дельфийские прорицания. Все это написано в виде короткой поэмы-элегии; часть одной дельфийской максимы сохранилась. П. Бернар предполагает, что Киней был погребен в этом героине и что он, возможно, был основателем города. В другой части города найдена греческая надпись, посвященная Гермесу и Гераклу—в эллинистический период традиционные покровители гимнасий и палестр—именно здесь располагался в Ай-Ханум соответствующий комплекс.

Официальным языком в городе был греческий. Покровителями города, его жителей и учреждений считались греческие божества, известно упоминание агоронома—инспектора рынков, штамп на ручке одной вероятно местной амфоры. Следует согласиться с П. Бернаром, что Ай-Ханум представлял собой греческий город—полис⁶⁵. Однако он пережил длительную историю, в процессе которой происходила «варваризация» его населения, в результате, например, вавилонского облика храм был превращен в жилое помещение.

Таковы данные об Ай-Ханум⁶⁶, раскопки которого во

⁶⁵ *P. Bernard, Aï Khanum on the Oxus*, стр. 88—92.

⁶⁶ Мы сознательно избегаем называть Ай-Ханум его древним именем. Дело в том, что П. Бернар полагает, что Ай-Ханум—та самая Александрия Оксиана, о которой упоминает Птолемей (VI, 12, 6). То, что Птолемей прямо указывает, что этот город находился в Согдиане, в высокой местности между Оксом и Яксартом, он считает неточностью (ибо эпитет города, как он считает, прямо указывает, что он располагался на берегу Окса); Птолемей, как думает П. Бернар, соединял в этом описании местоположение двух городов (*P. Bernard Aï Khanum on the Oxus*, стр. 92, п. 4). Некоторые сомнения относительно этой идентификации высказал М. Унлер (*M. Wheeler, Flames over Persepolis, Turning-point in history*, New York, 1968, стр. 84).

Можно определенно сказать, что из текста Птолемея такая локализация совершенно не вытекает. Никто из исследователей исторической географии не помещал Александрию Оксиану Птолемея на левобережье Оксуса (как делает Бернар). Достаточно сказать, что В. Томашек располагал ее в Кашка-Дарье—см. *W. Tomaschek (Alexandreia)*, RE, Bd. I Stuttgart, 1894, Sp. 1389. А. Бертелло помещал этот пункт на правобережье, значительно севернее Оксуса. *A. Berthelot, L'Asie Ancienne Centrale et Sud-Orientale d'après Ptolémée*. Paris, 1930, стр. 196 en fig. 4; Й. Маркварт (*J. Markwart. Die Sogdiana...*, стр. 290) на правобережье, в районе Келифа. В. Тарн помещал Александрию Оксиану в Термез *W. Tarn, Two notes on Seleucid history*, 2, Tarmita, „Journal of hellenic studies“, vol. LX, 1940, стр. 89—94. В. Чериковер полагал, что Александрию Оксиану нужно искать на правобережье Оксуса. К левобережью может относиться Александрия *κατὰ Βάχτρα* Стефана Византий-

многим изменили представления об эллинизме в Бактрии, и которые показали, сколь велик и реален был вклад эллинизма в архитектуру и градостроительство Средней Азии (к вопросу об эллинистических традициях в среднеазиатском градостроительстве мы вернемся ниже)⁶⁷.

В начале 60-х гг. один английский исследователь писал: „With few exceptions, the new cities founded by Alexander and his successors in the Orient had in the first instance been quasi-military colonies guarding the routes and forming outpost against the threat of attack. The original Greek settlers were mainly soldiers and veterans; and these towns, in so far as they have been explored, seem to present a rigid, almost barracklike appearance...“⁶⁸.

Раскопки Ай-Ханум ясно показали, сколь далеко от истины это (распространенное и среди части советских ученых) обобщение; стало ясно, что греки строили на Востоке не только бараки и казармы.

Итак, мы рассказали о раскопках на левобережье Пянджа—Аму-Дарьи, древнего Осуса. Что касается правобережья, данных пока значительно меньше.

ского, по-видимому идентичная с той, о которой сообщает Плиний УІ, 23, 95)—см. об этом V. Tscherikower, *op. cit.*, стр. 104—105. Эти заключения Чериковера мне представляются очень убедительными. Из пунктов же, упомянутых Птолемеем, в районе Кундуза—Ай-Ханум скорее всего могла находиться Сагана менее вероятно—Хоана (Ср. A. Berthelot, *op. cit.*, стр. 188 en fig. 4).

⁶⁷ Значение открытий на Ай-Ханум—и в изменении представлений о роли эллинистического искусства северной Индии и юго-восточного Афганистана. В 1962 г. Д. Кук отмечал влияние греческих мифов на развитие индийской драмы, греческой медицины и астрономии—на индийскую медицину и астрономию и добавлял: «в искусстве, однако, влияние эллинистического мира представляется относительно слабым» (L. M. Cook, *The Greeks in Ionia and the East*, London, 1962, стр. 166). В этих своих утверждениях процитированный английский автор не был оригинален—аналогичные предположения делались раньше многими другими исследователями. Так, Г. Бухтал в 1945 г. писал: „Недолгожившая мечта Александра о мировом господстве привела греческие армии даже за Инд. Но он явился лишь в качестве враждебного оккупанта и после того, как прекратилась его военная власть, эллинизм практически не оставил следов в индийских областях“ (H. Buchtal, *The western aspects of Gandhara sculpture*, *Proceedings of the British Academy*, vol. XXXI, London, 1945, стр. 23).

⁶⁸ Y. M. Cook, *op. cit.*, стр. 168.

Проницательности В. Минорского наука обязана выяснением того, что наименование пункта *Pardaṭwī (реконструкция В. Хеннинга), находившегося в районе Термеза, в месте переправы через Пяндж, происходит от греческого термина *πανδοχείον* «гостиница»⁶⁹.

На правом же берегу Пянджа, на территории Пархарского района Таджикской ССР возглавляемый нами южно-таджикистанский отряд производит раскопки городища Саксан-Охур (руководитель раскопочной группы Х. Мухитдинов). Здесь вскрыт дворцово-храмовый комплекс II—I вв. до н. э. Описание результатов раскопок опубликовано⁷⁰, поэтому ограничимся несколькими замечаниями.

Для архитектурного комплекса характерна замкнутая и упорядоченная планировочно-композиционная схема. Строгий ритм соединенных в ячейки по два и по три помещений западного фаса, обводной коридор, соединяющий все группы помещений—во всем этом господствует рационалистическая закономерность.

Для композиционно-планировочной схемы дворцово-храмового комплекса Саксан-Охура характерны следующие черты:

1. В Саксан-Охуре, как и на Кухна-Кала⁷¹, планировочным фокусом комплекса является двор. Таким образом устанавливается, что эта черта, столь обычная для восточноэллинистической архитектуры, была специфической и для Северной Бактрии. Ленточная вымостка вдоль края двора в Саксан-Охуре может указывать на связь с перистильной схемой, но здесь уже деградировавшей. Впрочем сам тип бактрийских — сооруженный центрально-дворовой композиции мог иметь местные корни⁷².

⁶⁹ V. Minorsky, A. Greek crossing on the Oxus, BSOAS, vol. XXX, pt. I, 1967, стр. 45 — 53. Минорский анализирует сообщение Хафизы Аbru, восходящее, по его мнению, к утраченной местной истории Термеза X в., причем Хафизы Аbru называет это место *برداغوی*, и говорит, что наименование это греческое, дано во время Искандара (Александра Македонского) и означает «гостиница». До исследования Минорского считалось, что наименование этого топонима следует огласовывать «Бардагуй».

⁷⁰ Б. А. Литвинский, Х. Мухитдинов, Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан), СА, 1969, № 2, стр. 160—178.

⁷¹ Б. А. Литвинский, Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г., Тр. АН Тадж. ССР, т. XXXVII. Сталинабад, 1956, стр. 77—79, рис. 1—2.

⁷² В среднеазиатской архитектуре постройки группировались вокруг двора уже в ахеменидское время, например, в Хорезме. См. Ю. А. Рапопорт и М. С. Лапиров-Скобло, ук. соч., стр. 144—145, рис. 2.

2. Айванный портик находится в южной части двора— решение, свойственное восточноэллинистической архитектуре и отличающее ее от греческой, где портик находился в северной части двора⁷³. Сейчас можно считать, что эта схема применялась и бактрийскими зодчими.

3. В Саксан-Охуре, как и в несколько более позднем Халчаяне, главный зал вытянут по поперечной оси, его продольная ось параллельна линии колонн айвана. Эта схема, как мне представляется, берет начало в планировках общественных сооружений Ай-Ханум. Все это подтверждает идею Г. А. Пугаченковой о своеобразии северобактрийской архитектурной школы, с ее «фронтальным развитием пространственных композиций»⁷⁴.

4. Стены интерьеров парадных помещений Саксан-Охура и айванов были рассечены стоящими на каменных базах пилястрами—архитектурный прием столь же широко использованный в дворцовом комплексе Ай-Ханум.

Таким образом, как для архитектуры Северной Парфии⁷⁵, так и для архитектуры Бактрии характерно сочетание всех трех ордеров в понимании Пиранези: ордера с колоннами, ордера с пилястрами и ордера, состоящего из непрерывной стены.

5. В Саксан-Охуре интерьеры украшены настенной росписью. Дальнейшее развитие этой традиции демонстрирует Халчаян. Судя по двум последним памятникам, в греко-бактрийских и бактрийских постройках скульптура была органической частью комплексов.

6. Колонные системы Саксан-Охура, основой которых является коринфская колонна, абсолютно аналогичны, собственно идентичны ай-ханумским (как и оформление храмов).

7. Саксанохурский комплекс интересен и в другом отношении. Его планировка и особенно каменные детали отражают один из этапов развития бактрийской архитектуры и вводят новые данные в исследование ее взаимоотношений с западноэллинистической и римской архитектурой. Рассматривая коринфизированные капители Сурх-Котала, выдающийся французский ученый Д. Шлюмберже писал в 1960 г., что, отвечая на вопрос, какого они происхождения (греко-римского или селевкидско-бактрийского), он склоняется по второму ре-

⁷³ Г. А. Кошеленко, Архитектура жилищ греческих городов Парфии. Сб.: Античный город, М., 1963, стр. 172—175.

⁷⁴ Г. А. Пугаченкова, Халчаян, К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 143.

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, М., 1958, стр. 109.

шению⁷⁶. Новейшие открытия полностью подтвердили это проницательное заключение.

Следует отметить, что коринфизированные капители и другие детали колонных систем, аналогичные ай-ханумским, в том числе специфические микробазы, найдены в ряде пунктов Северной Бактрии.

Что же касается синхронных поселений Согда, Ферганы и Хорезма, там влияние эллинистической традиции, судя по раскопаным на данный момент городским поселениям, отмечается в градостроительстве в значительно меньшей степени или совсем не отмечается. Материальная культура (в частности, керамика)⁷⁷ безусловно испытывает определенные эллинистические воздействия.

Иная картина в отношении взаимодействия эллинистических и местных традиций прослеживается в парфянских городах Южной Туркмении. У нас нет возможности хотя бы кратко характеризовать раскопанные города и городские поселения, отсылаем к соответствующим публикациям ЮТАКЭ.

В раннепарфянской архитектуре Нисы доминирующими являются местные, шире—иранские истоки, причем формы ахеменидской архитектуры здесь применяются в переработанном виде. Вместе с тем, совершенно определенным было эллинистическое влияние, которое нашло отражение в перистильной планировке «квадратного дома», во многих элементах оформления интерьера квадратного зала, в колонных системах. Но в целом монументальная архитектура Нисы, хотя и вобравшая в себя многие (причем весьма существенные) компоненты эллинистического происхождения, является чрезвычайно самобытной⁷⁸.

Городская фортификация в рассматриваемое время как

⁷⁶ D. Schlumberger, *Descendants non-méditerranéens de l'art grec „Syria“*, XXXVII, 1960, стр. 313 (=D. Schlumberger, *Nachkommen der griechischen Kunst ausserhalb des Mittelmeerraums*. In: *Der Hellenismus in Mittelasien*. Hrsgb. vol F. Altheim und J. Rehork. Darmstadt, 1969, стр. 399).

⁷⁷ С. К. Кабанов. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб, СА. 1969, № 1, стр. 189—191.

⁷⁸ См. особенно, Е. А. Давидович, Отчет о раскопках 1947 г. на площади квадратного зала Старой Нисы, Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, стр. 108 сл.; Г. А. Пугаченкова, Пути развития..., стр. 22 сл.; Г. А. Кошеленко, Культура Парфии, М., 1966, стр. 12 сл.

в Бактрии⁷⁹, так и в Парфии⁸⁰ и в других областях Средней Азии усложняется, причем основные ее принципы остаются местными, среднеазиатскими.

Итак, среднеазиатский город эллинистической поры был чрезвычайно сложным явлением. К этому следует добавить, что имелись крупные—государственные крепости; городские поселения нескольких типов: от громадного Мерва до небольших поселков. Выделяются обширные по площади неукрепленные по периметру поселения свободной планировки (вроде Джин-Тепе), где концентрация ремесла сочетается с занятием значительной части населения сельским хозяйством.

Степень урбанизации Средней Азии возрастает. Резко увеличивается концентрация ремесла, развитие внутренней и внешней торговли. Впервые регистрируется собственная денежная эмиссия—уже при Селевкидах, а затем в Греко-Бактрии и Парфии, что само по себе недвусмысленно свидетельствует об углублении товарно-денежных отношений. Рост экономических функций городских поселений не снимает их значения как центров политической власти, военных поселений и т. д.

Как известно из эллинистических материалов, в тех случаях, когда поселению давалось наименование по имени одного из членов династии, оно, вероятно, получало права полиса⁸¹. Не исключено, что именно так обстояло и со среднеазиатскими «антиохиями». Что же касается статута других поселений—тут вообще сказать пока ничего нельзя.

Кюмон как-то сказал, что «эллинизм и иранство были инстинктивными и постоянными противниками»⁸², но если судить по Средней Азии, то эти «противники» в процессе совместной жизни смешивались и усваивали культурные, в частности градостроительные и архитектурные ценности. Дуализм явился лишь преддверием и началом синтеза.

⁷⁹ Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. Доклады АН Тадж. ССР, в. II, Сталинабад, 1954, стр. 53—56, рис. 1—3; Б. А. Литвинский, Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе), КСИИМК, в. 64, М., 1956, стр. 68—72; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер, Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад шах. КСИИМК, в. 64, 1956, стр. 77—84.

⁸⁰ Г. А. Пугаченкова, К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. Изв. АН Туркменской ССР, 1952, № 1; Г. А. Кошеленко, Парфянская фортификация. СА, 1963, № 2.

⁸¹ В. Тарн. Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 143.

⁸² Цит. по W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, ed. II. Cambridge, 1951, стр. 32.

И последнее. В. Д. Блаватский отмечает, что в формировании государств Селевкидов и Птоломеев решающим фактором был количественный и качественный скачок в развитии урбанизма⁸³. И в Средней Азии города начинают аккумулировать такую экономическую мощь, что становятся важным компонентом государственного потенциала.

5. Среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и наивысший подъем древнего среднеазиатского города (I в. до н. э.—III—IV вв. н. э.)

Собственно археологические данные о среднеазиатском городе в кушанскую и позднепарфянскую эпоху столь обильны, что их полное освещение, сопоставление и анализ могут явиться предметом специальной, большой по объему, публикации. В данной работе мы не имеем возможности даже конспективно изложить свои соображения по этой проблеме. Город как интегральная структура социально-экономической и культурной системы среднеазиатского общества этого периода; эллинистические и эллинистическо-римские традиции и элементы в городской жизни Средней Азии и Индии; Гипподамова система и среднеазиатское и индийское градостроительство; индийские архитектурно-строительные схемы и приемы в Средней Азии и среднеазиатские — в Индии; коммерческие, экономические и демографические связи Индии и Средней Азии; вероятность наличия в Средней Азии корпораций ремесленников, подобных индийским (что, на мой взгляд, вполне возможно); взаимосвязи среднеазиатского эллинистического, римского и индийского искусства — даже этот (далеко не полный) перечень показывает, сколь сложна и многогранна эта проблема. Но, несомненно одно: в I в. до н. э.—III—IV вв. н. э. на основе дальнейшего развития экономики происходит не просто подъем, но, буквально, качественный скачок в развитии городов и городской жизни.

Итак, начав с нуля, процесс урбанизации в Средней Азии одержал к кушанскому времени блистательную победу.

⁸³ В. Д. Блаватский, Античный город, в кн.: Античный город, М., 1963, стр. 16